

Сестринское дело – 1 курс.

Лекция 17, 18. «Холодная война»

06.05.2020 г. – лекции (4-6 группы).

06.05.2020 г. – лекции (1-3 г группы).

07.05.2020 г. – лекции (4-6 группы).

07.05.2020 г. – лекции (1-3 г группы).

1. Сверхдержавы: США и СССР. Обоюдная заинтересованность в формировании образа врага. Противоречия: геополитика или идеология?
2. Гонка вооружений и локальные конфликты.
3. Военные блоки.
4. Две Европы - два мира.
5. Военно-политические кризисы в рамках «холодной войны».
6. Информационные войны. Техногенная цивилизация «на тропе войны»
7. Крах биполярного мира. Последствия «холодной войны».

1945 год открыл новую страницу в истории XX в. События на мировой арене после окончания войны развивались столь кардинально и стремительно и привели к таким переменам во всей системе международных отношений, что их можно оценивать как своего рода переворот революционного характера. Геополитическая структура мира в результате поражения Германии и ее союзников приобрела новые центры влияния, мир становился все более биполярным. В расстановке сил Запад-Восток главная роль принадлежала теперь Соединенным Штатам Америки и Советскому Союзу.

СССР не только вышел из международной изоляции, но и приобрел статус ведущей мировой державы. США, пострадавшие меньше других участников военного конфликта, после войны стали играть роль «первой скрипки» в международных делах. Это реальное соотношение сил, разделившее мир на два блока, всего за несколько лет получило свое организационное оформление в виде НАТО и Варшавского Договора. Раскол мира, таким образом, можно считать следствием войны. Но таким же следствием войны были процессы совершенно противоположной направленности.

Война изменила лицо мира, нарушила привычное течение судьбы многих народов. Общая угроза сблизила их, отодвинула на второй план прежние споры, сделала ненужными старую вражду и борьбу самолюбий. Мировая катастрофа, не принимающая в расчет доводы в пользу ни одной из общественных систем, в качестве своего парадокса явила миру приоритет общечеловеческих ценностей, идею мирового единства.

Сразу после окончания войны эта идея как будто бы начала реализовываться, смягчая противоречия в рядах недавних союзников и умеряя пыл особо активных реваншистов. И даже пришедшие на смену потеплению «холодная война», последующий атомный психоз не могли вовсе сбросить со счетов реальность идеи «Общего Дома».

Сам факт военной победы поднял на небывалую высоту не только международный престиж Советского Союза, но и авторитет режима внутри страны. Май 1945 г. – пик авторитета Сталина, имя которого в сознании большинства современников не только сливалось с победой, но и сам он воспринимался как чуть ли не носитель божественного промысла. Массовое сознание наделило его мистической силой, освятив все, что с ним идентифицировалось – будь то авторитет системы или авторитет идеи, на которой держалась система.

Такова была противоречивая роль Победы, которая принесла с собой дух свободы, но наряду с этим создала психологические механизмы, блокирующие дальнейшее развитие

этого духа, механизмы, которые стали консерваторами позитивных общественных процессов, зародившихся в особой духовной атмосфере военных лет.

Война, прошедшая по территории страны, оставила тяжелое наследие. Чрезвычайная государственная комиссия, занятая исчислением материального ущерба, нанесенного СССР в ходе военных действий и в результате расходов на войну, оценила его в 2569 млрд. руб. Было подсчитано количество разрушенных городов и сел, промышленных предприятий и железнодорожных мостов, определены потери в выплавке чугуна и стали, размеры сокращения автомобильного парка и поголовья скота. Однако нигде не сообщалось о количестве человеческих потерь (если не считать обнародованную Сталиным в 1946 г. цифру в 7 млн. человек). О величине людских потерь Советского Союза во второй мировой войне до сих пор ведутся дискуссии среди историков. Последние исследования основаны на методе демографического баланса. Людские потери, оцениваемые согласно этому методу, включают: всех погибших в результате военных и иных действий противника; умерших в результате повышения уровня смертности в период войны как в тылу, так и в прифронтовой полосе и на оккупированной территории; тех людей из населения СССР на 22 июня 1941 г., которые покинули территорию СССР в период войны и не вернулись до ее конца (не включая военнотружеников, дислоцированных за пределами СССР). Эти потери в период Великой Отечественной войны составляют 26,6 млн. человек.

Послевоенное советское общество было преимущественно женским. Это создавало серьезные проблемы – не только демографические, но и психологические, перераставшие в проблему личной неустроенности, женского одиночества. Послевоенная «безотцовщина» и порождаемые ею детская беспризорность и преступность родом из того же источника. И, тем не менее, несмотря на все лишения и потери, именно благодаря женскому началу послевоенное общество оказалось удивительно жизнеспособным. Относительно высокий уровень рождаемости в стране, который рос в течение 1946-1949 гг. (за исключением 1948 г.), а затем стабилизировался, позволил, в конце концов, если не исправить порожденные войной демографические перекосы, то восполнить демографические потери войны. Уже к началу 1953 г. численность населения СССР достигла уровня 1940 г. (в послевоенных границах, т.е. включая население территорий, присоединенных к СССР в 1945 г.).

Проблема перехода от войны к миру, которая, так или иначе, стояла перед каждым человеком, возможно, в наибольшей степени касалась фронтовиков. Тяжесть потерь, материальные лишения, переживаемые за малым исключением всеми, для фронтовиков усугублялись дополнительными трудностями психологического характера, связанными с переключением на новые задачи мирного обустройства. Поэтому демобилизация, о которой так мечталось на фронте, поставила перед многими серьезные проблемы. Прежде всего, для самых молодых (1924-1927 гг. рождения), т.е. тех, кто ушел на фронт со школьной скамьи, не успев получить профессию, обрести устойчивый жизненный статус. Их единственным делом стала война, единственным умением – способность держать оружие и воевать.

После войны неизбежно наступает период «залечивания ран» – и физических, и душевных, – сложный, болезненный период возвращения к мирной жизни, в которой даже обычные бытовые проблемы, например проблема дома, семьи (для многих за годы войны утраченной), подчас становятся в разряд неразрешимых. Ведущей психологической установкой на тот момент для фронтовиков была задача приспособиться к мирной жизни, вписаться в нее, научиться жить по-новому.

Послевоенное восстановление экономики требовало оздоровления финансовой системы. Расстроены финансы и прогрессирующая инфляция – проблемы, с которыми пришлось столкнуться практически всем воевавшим странам. Поэтому в течение 1944-1948 гг. в ряде европейских стран были проведены денежные реформы: сначала в Бельгии, затем в Голландии, Франции, Великобритании, Германии, Австрии и др. Денежные реформы способствовали постепенному отказу от введенной во время войны нормированной (карточной) системы снабжения населения. Вместе с тем мероприятия по борьбе с

инфляцией (денежная реформа) и отмена карточек не обязательно совпадали во времени: в Великобритании, например, карточная система просуществовала до 1954 г.

Советское правительство в своих планах проведения денежной реформы и отмены карточек (которые стали своеобразным символом военного времени) стремилось опередить ведущие европейские страны, демонстрируя тем самым не только возможности державы-победительницы, но и «преимущества социализма». Первоначально отмену карточек намечалось провести в 1946 г. Однако низкий уровень жизни населения и продовольственный кризис 1946 г., причиной которого стала засуха, вынудили советское руководство несколько скорректировать прежние планы и перенести отмену карточек на конец 1947 г. Одновременно с отменой карточек должна была проводиться денежная реформа.

Обмен денег начался 15 декабря 1947 г., старые деньги обменивались на новые в соотношении 10:1. Льготному обмену подлежали вклады в сберкассах (до трех тысяч рублей – в соотношении один к одному). Пропаганда представляла реформу как главный удар по «спекулятивным элементам», на самом деле именно эта категория, т.е. дельцы теневой экономики, успели обезопасить свою наличность, своевременно разукрупнив свои вклады или переведя наличность в золото, драгоценности и т.д. Пострадали в результате обмена денег, прежде всего люди, которые не хранили сбережений в сберкассах, но имели наличные деньги: среди них подавляющее большинство составляли не «спекулянты», а рабочие высоких разрядов, техническая интеллигенция, занятые во вредных производствах, сельском хозяйстве и др. Вместе с тем, несмотря на издержки, реформа 1947 г. способствовала стабилизации финансовой ситуации в стране.

Менее подготовленной оказалась отмена карточной системы. Руководство страны приняло решение об отмене карточек, когда существующий объем продовольственных и промышленных товаров не мог удовлетворить свободного спроса населения. Только в Москве и Ленинграде специальным решением правительства к моменту перехода к торговле без карточек были созданы необходимые товарные резервы. В других местах уже в первые дни и месяцы после отмены карточек люди столкнулись с нехваткой самых необходимых товаров: хлеба, круп, масла, сахара и др. В результате в ряде регионов стихийно стала восстанавливаться нормированная система снабжения – в виде спецпропусков, заборных книжек, карточек.

Политика центральной власти (1945-1952). В 1946 г. закончила работу комиссия по подготовке проекта новой Конституции СССР. В проекте, выдержанном, в общем, и целом в рамках довоенной политической доктрины, вместе с тем содержался ряд прогрессивных положений, особенно в плане развития прав и свобод личности, демократических начал в общественной жизни. Признавая государственную собственность господствующей формой собственности в СССР, проект Конституции допускал существование мелкого частного хозяйства крестьян и кустарей, «основанного на личном труде и исключаящего эксплуатацию чужого труда».

Советское послевоенное руководство обновлялось. Условия военного времени диктовали особую кадровую политику – ставка на людей смелых, инициативных и главное высокопрофессиональных. Их знания, опыт, способность к риску создавали благоприятную почву для развития и вполне радикальных настроений. Однако не стоит переоценивать степень данного радикализма, который был ограничен, в сущности, для всех, восприятием действительности вне критики существующей системы как таковой. Все разногласия внутри правящего центра сводились поэтому не столько к выбору концепции развития (она определялась господствующей доктриной и не подлежала обсуждению), сколько к определению условий реализации этой концепции – более «жестких» или более «мягких».

Возможности трансформации режима в сторону какой бы то ни было либерализации были весьма ограничены из-за крайнего консерватизма идеологических принципов, благодаря устойчивости которых охранительная линия имела безусловный приоритет. Теоретической основой «жесткого» курса в сфере идеологии можно считать принятое в

августе 1946 г. постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», которое, хотя и касалось области художественного творчества, фактически было направлено против общественного инакомыслия как такового.

Однако одной только «теорией» дело не ограничилось. В марте 1947 г. по предложению А.А.Жданова было принято постановление ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах», согласно которому создавались особые выборные органы «для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». Одним из самых громких дел, прошедших через «суд чести», было дело профессоров Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскина (июнь 1947 г.), авторов научной работы «Пути биотерапии рака», которые были обвинены в антипатриотизме и сотрудничестве с зарубежными фирмами. За подобные «прегрешения» в 1947 г. выносили пока еще общественный выговор (таковы были полномочия «судов чести»), но уже в этой превентивной кампании угадывались основные подходы будущей борьбы с космополитизмом.

Однако все эти меры на тот момент еще не успели оформиться в очередную кампанию против «врагов народа».

Поскольку путь прогрессивных изменений политического характера был заблокирован, сузившись до возможных (и то не очень серьезных) поправок на либерализацию, наиболее конструктивные идеи, появившиеся в первые послевоенные годы, касались не политики, а сферы экономики: Центральный Комитет ВКП(б) получил не одно письмо с интересными, подчас новаторскими мыслями на этот счет. Центр, несмотря на известные колебания, в принципиальных вопросах, касающихся основ построения экономической и политической моделей развития, сохранял стойкую приверженность прежнему курсу. Поэтому центр был восприимчив лишь к тем идеям, которые не затрагивали основ несущей конструкции, т.е. не покушались на исключительную роль государства в вопросах управления, финансового обеспечения, контроля и не противоречили главным постулатам идеологии. Добиться каких-либо позитивных сдвигов можно было только при соблюдении этих весьма жестких принципов.

Информация, хотя и весьма скудная, о жизни на Западе давала пищу для размышлений. Контраст уровней благосостояния между победителями и побежденными, между бывшими союзниками в сознании большинства наших соотечественников, как правило, не находил объяснений конструктивного характера и чаще всего фиксировался на уровне эмоциональной реакции, провоцируя чувство «попранной справедливости».

В то же время сам Сталин как бы выводился за скобки критики, что спасало не просто имя вождя, но и сам режим, этим именем одушевленный. Такова была реальность: для миллионов современников Сталин выступал в роли последней надежды, самой надежной опоры. Казалось, не будь Сталина, жизнь рухнет. И чем сложнее становилась ситуация внутри страны, тем больше укреплялась особая роль Вождя. Обращает на себя внимание тот факт, что среди вопросов, заданных людьми на лекциях в течение 1948 – 1950 гг., на одном из первых мест те, что связаны с беспокойством за здоровье «товарища Сталина»: в 1949 г. он отметил свое 70-летие.

1948 год положил конец послевоенным колебаниям руководства относительно выбора «мягкого» или «жесткого» курса. Представления о «монолитном единстве» общества и его абсолютной преданности Вождю, в общем верные на победный момент сорок пятого, чем дальше, тем больше превращались в иллюзию; в растущем отчуждении «верхов» и «низов» единственным звеном, скрепляющим этот политический конгломерат в видимое целое, был сам Сталин. Но и он, похоже, переоценил силу своего положения и способность концентрировать в себе волю и желания общества: не все соотечественники торопились демонстрировать «верноподданность» Вождю. Это Сталин знал. Но не знал, сколько их было – «не всех» – и насколько опасным, в том числе и для него лично, становилось начинающееся противостояние. До открытого протеста дело не доходило, но

брожение умов было реальностью, которую подтверждали сводки о настроениях разных категорий населения.

Сохранять спокойствие духа руководству мешали события и за пределами страны. Вместе с началом «холодной войны» Сталин стал утрачивать позиции первого политика мира, которым он себя чувствовал после победы. Правда, в сфере его контроля оставалась Восточная Европа, народы (а точнее, правители) которой, казалось бы, уже начали строить свою жизнь по образу и подобию «старшего брата». Речь шла по сути об унификации внутренних режимов этих стран согласно советскому образцу, что и зафиксировали материалы первого заседания Информбюро 1947 г. Однако не всех восточноевропейских руководителей устраивало подобное подчиненное положение и силовое давление со стороны Советского Союза.

Кульминацией процесса роста разногласий между СССР и странами Восточной Европы стала советско-югославская встреча в Москве (февраль 1948 г.), после которой последовал разрыв между Сталиным и Тито. Для Сталина это было поражением.

Подобное стечение событий не могло не отразиться на внутренней жизни: «пропустив» оппозицию на международном уровне, Сталин не мог допустить теперь даже зародыша ее у себя в «доме». Последствия международного фиаско и обстановка «холодной войны» по-своему повлияли на развитие внутренней карательной кампании, придав ей внешнюю форму борьбы с западничеством, или, по терминологии тех лет, «низкопоклонством». В качестве носителей «инородного» начала были выбраны советские евреи («безродные космополиты»), в результате чего вся кампания получила дополнительную антисемитскую окраску. В ее печальной истории два наиболее известных процесса – дело Еврейского антифашистского комитета (1948-1952) и «дело врачей» (1953).

Между тем основная роль постепенно отводится идеологическим кампаниям, т.е. кампаниям борьбы с инакомыслием, выполняющим одновременно известную «профилактическую» функцию.

Роль «пробного камня» в истории борьбы с инакомыслием конца 40-х – начала 50-х гг. XX века выполнили две кампании, одна из которых была организована вокруг журналов «Звезда» и «Ленинград», а другая – учебника Г.Ф.Александрова «История западноевропейской философии». Вся организация этой кампании свелась по сути к выступлению Жданова в духе «постановки задач» и постановлению ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», которое для всех идеологических работников становилось руководством к действию. «Объекту» в данном случае отводилась пассивная роль «принятия к сведению» спущенных сверху установок. Несколько иной сценарий был апробирован в отношении философов: здесь «объекту» была предоставлена известная свобода действий, видимость которой позволила придать кампании идеологического давления внешне привлекательную «демократическую» форму. Так в нашей политической практике возник особый феномен – «творческие дискуссии».

События 1948-1952 гг. для многих наших соотечественников стали временем прозрения: с иллюзией о том, что сталинский режим способен к какой-либо трансформации либерального типа, пришлось расстаться окончательно. Конечно, кого-то могли ввести в заблуждение слова Сталина о необходимости покончить с монополизмом в науке, о борьбе с «аракчеевским режимом». Но тот, кто за словесной оболочкой умел распознавать сущность процесса, уже не мог обмануться фразой. Тем более что был опыт разгрома генетиков в 1948 г., тоже проходившего под флагом борьбы с «монополизмом».

Состояние общественной атмосферы начала 50-х гг. XX века, думается, наиболее ярко передает массовая реакция на «дело врачей»: проблемы медицины, охраны здоровья, в отличие от далеких научных тем, затрагивают интересы каждого.

Нагнеталась атмосфера массовой истерии, а общество, доведенное до такого состояния, становится легко управляемым, – но на уровне эмоций. Оно способно разрушить, преодолеть все препятствия – подлинные, но чаще мнимые. К конструктивному действию такое общество не способно.

Отличительная особенность советской системы 30-50-х гг. XX века состояла в том, что формально она как будто бы всегда была открыта для критики (лозунг «критики и самокритики» был в числе наиболее употребимых официальной пропагандой). И это был не просто пропагандистский трюк: постоянные поиски «отдельных недостатков», чередуемые с временными кампаниями против «врагов народа», не только направляли общественные эмоции в подготовленное русло, но и повышали мобилизационные возможности самой системы, ее устойчивость, ее иммунитет. На основе манипуляции общественными настроениями создавался особый механизм преодоления кризисных ситуаций. Система не допускала такого развития событий, когда критически заряженные эмоции масс сформируются в блок конкретных претензий, задевающих основы правящего режима. Неудивительно поэтому, что отсутствие конструктивизма, набора положительных идей составляет одну из характерных черт групповых претензий этого периода. Умение режима овладевать общественными настроениями на уровне эмоций обеспечивало управляемость системы, страховало от непредсказуемых реакций снизу. С этой своей функцией механизм контроля за умонастроениями справлялся достаточно успешно. Однако, добиваясь управления эмоциями, с помощью этого механизма не всегда удавалось обеспечивать программу позитивного поведения, т.е. нужную практическую отдачу.

Это хорошо видно на примере развития внутрипартийной политики. XIX съезд ВКП(б), состоявшийся в 1952 г., среди прочих решений внес ряд изменений в Устав партии, т.е. тот документ, который регламентирует поведение каждого коммуниста. Главный смысл тех изменений заключался в усилении контроля партийных органов над рядовыми членами партии: если раньше коммунист «имел право», то теперь он «был обязан» сообщать о всех недостатках в работе любых лиц, а сокрытие правды объявлялось «преступлением перед партией». В партии начался поход против «недостатков». Однако организованный в столь жестких условиях, поход этот на деле превратился в последовательную цепочку перекладывания вины на плечи нижестоящего. Местные партийные работники, опасаясь быть уличенными в недостаточной бдительности или «преступной бездеятельности», стремились перестраховаться: районные комитеты партии буквально захлестнул поток персональных дел. Даже «Правда» с тревогой сообщала о многочисленных фактах проявления подобного чрезмерного усердия.

Это был предел: механизм контроля из фактора, обеспечивающего системе устойчивость, грозил превратиться в фактор дестабилизирующего действия. Если что и помешало тогда дальнейшей эскалации ситуации, то это сопротивление снизу, где помимо законов системы продолжали действовать, несмотря ни на что, законы человеческие. Они часто решали судьбы людей.

Репрессии 1948-1952 гг. не уничтожили дестабилизирующий фактор, репрессивная политика спасла на время правящий режим от критического давления снизу, но она не смогла предотвратить сползание страны к кризисной черте. Более того, репрессии осложнили процесс преодоления кризисных явлений, поскольку уничтожили или серьезно деформировали рожденные войной конструктивные общественные силы, которые могли встать во главе процесса обновления общества. Для массовых настроений был характерен синдром ожидания. Единственный путь преодоления кризисных явлений, на развитие которого можно было рассчитывать в этих условиях, был путь реформ сверху. А единственным барьером, стоящим на этом пути, была фигура Вождя. В этом смысле Сталин был обречен, хотя на деле ситуация разрешилась самым естественным образом. Это случилось 5 марта 1953 г.

Оттепель (1953-1964).

Смерть Сталина внесла серьезные коррективы в систему отношений между народом и властью. Вместе с Вождем исчезло главное звено, обеспечивающее общность этих разноуровневых подсистем, перестал функционировать главный механизм гармонизации их интересов. Самым простым выходом из положения было бы обретение нового Вождя, нового баланса. Однако возвращение к системе вождизма, в ее надчеловеческой

просталинской форме, вряд ли представлялось возможным: сама смерть Сталина блокировала этот путь. Земной бог перестал существовать как простой смертный – именно это обстоятельство долго не укладывалось в сознании многих людей.

Восприятие Сталина как человека в массовом сознании изменило и отношение к его преемникам наверху, которые тоже становились «простыми людьми». Власть лишилась божественного ореола. Но не вполне: от высшей власти по-прежнему ждали «подарков» как от «бога», а ее действия уже рассматривали по законам простых смертных. Этой новой ситуации не оценили наверху, больше полагаясь на отпущенный кредит доверия, нежели задумываясь о том, чем этот кредит придется реально оплачивать. Трезвому анализу ситуации помешали и внутренние разногласия в правящей группе, в которой началась борьба за власть.

Процесс преодоления кризиса власти, вызванного смертью Сталина, и выдвижение Хрущева в качестве единоличного лидера прошел в своем развитии четыре этапа: 1) период триумvirата – Берия, Маленков, Хрущев (март-июнь 1953 г.); 2) период формального лидерства Маленкова (июнь 1953 г. – январь 1955 г.); 3) период борьбы Хрущева за единоличную власть (февраль 1955 г. – июнь 1957 г.); 4) период единоличного лидерства Хрущева и формирования оппозиции «молодого» аппарата (июнь 1957 г. – октябрь 1964 г.).

Смерть Сталина открыла дорогу реформам, необходимость которых ощущалась обществом и частью руководителей сразу после окончания второй мировой войны, но которые вряд ли были возможны при жизни вождя. Экономическая и политическая ситуация внутри страны и обстановка «холодной войны» на международной арене формировали ряд узловых проблем (своего рода «болевых точек»), решать которые или реагировать на существование которых пришлось бы так или иначе любому руководству, вставшему у государственного руля в 1953 г.

Первый комплекс проблем был связан с развитием репрессивной политики конца 40-х – начала 50-х гг. XX века, превратившей органы МВД-МГБ в особую систему тотального контроля, охватившую практически все сферы общественной жизни и все слои общества – от низов до высшего эшелона руководства. Закон самосохранения требовал от правящего слоя внести в эту систему известные коррективы, чтобы отвести от себя угрозу очередных кадровых чисток. Следующий вопрос, решение которого тоже требовало реформирования органов МВД-МГБ, был вопрос о системе ГУЛАГа, сохранение которой в неизменном виде не только не отвечало задачам экономической целесообразности, но и создавало угрозу политической стабильности.

Смерть Сталина привела ГУЛАГ в движение докладные записки МВД информировали о «массовом неповиновении», «бунтах» и «восстаниях» в лагерях и колониях, из них наиболее значительных – летом 1953 г. в особом лагере № 2 (Норильск) и особом лагере № 6 (Воркута), в мае-июне 1954 г. – в особом лагере № 4 (Карагандинская область, «Кенгирское восстание»).

Пересмотр репрессивной практики не мог ограничиться просто изменением режима в лагерях и колониях или частичными кадровыми перестановками в органах внутренних дел, в конечном счете речь шла о возможностях либерализации политического режима в целом, хотя вопрос о пределах этих возможностей оставался открытым.

Не менее важный комплекс проблем, требующих неотложного решения, сложился в сфере аграрной политики. Два раза за послевоенный период, в 1948 и 1952 гг., повышался сельскохозяйственный налог, форсированными темпами шел процесс укрупнения колхозов, создавший немало проблем для жителей деревни, не обошла колхозников стороной и послевоенная волна репрессий. Положение в деревне было настолько катастрофическим, что подготовленный проект увеличения сельхозналога в 1952 г. до 40 млрд. рублей, абсурдный в основе своей, не был принят. Вместе с тем базовые принципы аграрной политики при жизни Сталина оставались неизменными, их придерживались и весьма последовательно воплощали в реальность даже те люди из окружения Сталина,

которые после его смерти станут инициаторами совершенно иной линии в решении аграрного вопроса.

Серьезные проблемы для московского руководства создавало положение дел в западных областях Белоруссии и Украины, а также в Латвии, Литве и Эстонии. Политика советизации по-прежнему встречала здесь сопротивление, хотя и не такое активное, как в первые годы после окончания войны. В течение 1952 г. в ЦК КПСС несколько раз обсуждались вопросы, связанные с ситуацией именно в этих регионах.

Наконец, большой круг вопросов, которые пришлось бы решать новому руководству, кто бы ни оказался во главе его, касался области внешней политики: диктат Москвы в отношении стран Восточной Европы и откровенная конфронтация с Западом не прибавляли авторитета советскому режиму.

Таким образом, направления возможных перемен в известном смысле были как бы заранее заданы. В данном случае интерес правящего слоя совпал с широким общественным интересом, поэтому осуществление реформ, помимо практического, обещало большой пропагандистский эффект, т.е. работало на авторитет новой власти как внутри страны, так и за ее пределами.

Однако – и это особенно важно – задано было только направление движения, поисков. Главный вопрос – в каких формах и насколько последовательно будет проводиться новый политический курс, как будут определяться его конкретное содержание и темпы реализации, как и вопрос, состоится ли политика реформ вообще, – в своем решении зависел от расстановки сил в руководстве страны и от выбора лидера (или группы лидеров). При проведении реформ сверху личный фактор играет одну из ключевых ролей.

Затяжной характер кризиса власти 1953 г., длительная борьба за лидерство среди бывших сталинских соратников имели под собой достаточно очевидную причину: отсутствие официального (формального) лидера, обладающего реальной властью. Не случайно первое перераспределение ролей в высшем эшелоне руководства (март 1953 г.) не решило вопроса о лидере. Реально власть тогда сосредоточилась в руках «тройки» – Берии, Маленкова и Хрущева, занявших три ключевых поста: Маленков стал Председателем Совета Министров СССР, Берия – министром внутренних дел (МВД было объединено с МГБ), Хрущев возглавил секретариат ЦК КПСС.

Маленков, Берия и Хрущев принадлежали к тому поколению советских руководителей, родословная которого начиналась от времен революции и гражданской войны. Почти все представители этого поколения были обязаны своим возвышением кадровым чисткам 20-30-х гг. XX века, они составили костяк «сталинской гвардии», элиту нового слоя партийной номенклатуры. Общность происхождения и профессионального продвижения формировала не только общий статус этого слоя, но и известную общность мышления и образа действий его представителей.

В сложной политической борьбе в тройке «Берия – Маленков – Хрущев» победил Хрущев. Во времена Хрущева получила развитие тенденция, тяготеющая к уравнительному принципу распределения заработной платы и общественных благ: повышение минимальной заработной платы, рост выплат и пособий из так называемых общественных фондов потребления, безусловно, решили ряд социальных проблем для малообеспеченных групп населения, но этот процесс имел и обратную сторону – падение престижа высококвалифицированного труда. Примерно за два года до отставки Хрущев вновь возвратился к идее материального интереса, размышлял над экономической реформой и даже санкционировал дискуссии по этому вопросу. Он снова сделал ставку на эксперимент, в данном случае весьма перспективный. Но он опоздал: «экспериментальный период» для политики реформ уже закончился, лимит времени, отпущенный Хрущеву, оказался исчерпанным. Чтобы делать новую политику, нужен был новый лидер. Даже не столько новый лидер, сколько новое имя.

50-е и начало 60-х гг. XX века считаются самым успешным периодом в развитии советской экономики с точки зрения, как темпов экономического роста, так и

эффективности общественного производства. Средние темпы экономического роста – 6,6% в 50-е гг. XX века и 5,3% в 60-е гг. XX века – были беспрецедентными за всю историю СССР. Советская экономика развивалась в русле общемировых тенденций: замедление темпов экономического роста и спад производства, вызванные сначала предвоенной депрессией, а затем войной и послевоенной реконструкцией, в 50-е гг. XX века сменились в европейских странах и Японии длительной фазой экономического подъема.

К началу 50-х гг. XX века восстановительный период в СССР завершился, за эти годы был создан достаточный инвестиционный и научный потенциал, позволивший в дальнейшем обеспечить высокие темпы экономического роста. Особенно успешно советская экономика развивалась во второй половине 50-х гг. XX века: в этот период повысилась эффективность использования основных производственных фондов в промышленности и строительстве, быстро росла производительность труда в ряде отраслей народного хозяйства. Повышение эффективности производства способствовало значительному росту внутривидовых накоплений, за счет этого стало возможно более полноценно финансировать непромышленную сферу. На осуществление социальных программ была также направлена часть средств, полученных в результате сокращения расходов на оборону.

Постепенное переключение внимания с накопления на потребление можно рассматривать как начало преобразования сталинской модели экономического развития, основанной на идее ускоренной индустриализации. Правда, самим советским руководством подобная трансформация вряд ли осознавалась: по крайней мере, в официальных заявлениях и документах курс на преимущественное развитие индустриальных отраслей экономики продолжал оставаться неизменным. Основные принципы экономической доктрины никогда не подвергались пересмотру. Поэтому, несмотря на обилие реорганизаций, пик которых пришелся на 1957-1962 гг., они не изменили кардинально советской экономической системы. Даже рассуждая о «революционной перестройке», Хрущев не думал трогать основы – государственную собственность и плановую экономику.

Созданная в 20-30-е гг. XX века государственная система (и соответствующая ей экономика) воспринималась Хрущевым, и не только им, как правильная, в развитии которой, однако, время от времени появляются отдельные «ненормальности». Их и нужно исправлять.

Различные решения по децентрализации управления экономикой подготовили главную реорганизацию 50-х гг. XX века – перестройку системы управления промышленностью и строительством по территориальному принципу и создание совнархозов (1957). Большинство общесоюзных и союзно-республиканских министерств, в ведении которых находились промышленность и строительство, были упразднены, кроме министерств электростанций, оборонной, авиационной, судостроительной, радиотехнической и химической промышленности. Страна была разделена на несколько крупных экономических районов, для управления которыми создавались Советы народного хозяйства (совнархозы).

Первые результаты реформы были вполне обнадеживающими: уже в 1958 г. прирост национального дохода составил 12,4% по сравнению с 7% в 1957 г. Однако уже тогда специалисты сделали интересное наблюдение: основной прирост пришелся на период, когда предприятия остались «бесхозными», т.е. министерства были упразднены, а совнархозы еще не успели вникнуть в суть дела.

Реорганизации верхнего эшелона управления сопровождались дальнейшими попытками совершенствования низового звена: в русле этих попыток можно рассматривать разделение партийных органов по производственному принципу на промышленные и сельскохозяйственные (ноябрь 1962 г.). Однако эта реорганизация оказалась еще более недолговечной, чем совнархозы.

Достигнутые высокие темпы экономического роста действительно могли создать иллюзию, что путь наиболее эффективного развития экономики уже найден. Между тем,

как считает, например, экономист Г.И.Ханин, проведенные в 50-е гг. XX века мероприятия по повышению эффективности использования ресурсов носили краткосрочный, зачастую технический характер (замена угля нефтью и газом, гидроэлектростанций теплоэлектростанциями, паровозов электровозами и т.п.). Не было найдено устойчивых глубинных факторов повышения эффективности производства, которые могли бы действовать и после исчерпания прежних факторов. Падение темпов экономического роста уже с начала 60-х гг. XX века стало реальностью. Это обстоятельство в числе других, возможно, заставило Хрущева от идеи реорганизации управления вернуться к идее экономической реформы.

Вторая половина 50-х гг. XX века была отмечена большими переменами в жизни советского общества. Менялась общественная атмосфера в стране, Советский Союз открывал для себя мир и сам становился более открытым для мира: международные обмены и контакты, поездки делегаций за рубеж и визиты в страну; всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Но самое существенное – иной становилась жизнь внутри страны. Она уже меньше напоминала улицу с односторонним движением и активно впитывала новые формы открытого общения. На волне общественного подъема рождались новые литература, живопись, театр. «Современник» вызывал на откровенный разговор современника, возрожденный «авангард» отстаивал право на свое видение мира, литература и публицистика – почти неразделимые – активно вторгались в повседневную жизнь, заставляя каждого определить свое место по ту или иную сторону «баррикад». Процессы [духовного освобождения] и духовного возрождения, энергия которых накапливалась десятилетиями, вдруг вырвались наружу, получив мощный импульс и новое качество.

В спорах, дискуссиях, организованных, а чаще импровизированных, рождался новый для советской действительности феномен – общественное мнение. После смерти Сталина роль фокуса общественных оценок и суждений – по российской традиции – взяла на себя литература.

В восьмом номере за 1956 г. журнал «Новый мир» начал печатать роман В.Д.Дудинцева «Не хлебом единым», повествующий о жизненных коллизиях молодого инженера-изобретателя Лопаткина, его столкновениях с чиновничьим аппаратом в лице директора Дроздова, сложной, порой драматичной, судьбе «нестандартной» личности в мире устоявшихся стандартов. Конечно, и сам Дудинцев понимал, что его книга по тем временам – это вызов, и члены редколлегии журнала отдавали себе отчет в том, что публикуют в общем-то далеко не безобидную вещь, но вряд ли кто из них мог тогда предположить, что роман вызовет буквально взрывную общественную реакцию.

Романтики и энтузиасты определяли лицо эпохи. Закончилась крупная реорганизация управления народным хозяйством (1957), которая на первом этапе была, несомненно, эффективной. Принят новый план на семилетку. Форсируется развитие науки, готовятся новые космические программы. Политическая жизнь внутри страны стала более стабильной: критическая волна явно пошла на спад, все реже поднимался вопрос о борьбе с культом личности, который в свое время дал импульс общественной активности. Еще в 1959 г. на стадии верстки была остановлена публикация закрытого доклада Хрущева на XX съезде партии: нет Сталина – нет и культа личности, а развенчание «антипартийной группы» легко было представить как последний аккорд в борьбе со «сталинистами».

Международное положение тоже не внушало пока особых опасений. Напротив, произошла некоторая стабилизация ситуации в Западной Европе, мир следил за развитием национально-освободительных движений в Африке, за событиями на Кубе, вновь поднявшими популярность идеи социалистического выбора. В общем, положение дел как внутри страны, так и за ее пределами при одномоментной оценке ситуации могло служить основанием для оптимизма. Правда, с одним лишь условием: если считать это положение неизменяемым или способным к развитию лишь в одну сторону – от хорошего к лучшему.

Между тем любой непредвзятый анализ ситуации показывал, что она чревата серьезными осложнениями. Постепенно сбывались прогнозы тех, кто предупреждал об ограниченности структурной реорганизации практики управления и видел просчеты проведенной совнархозовской реформы. Экономические рычаги не заработали.

Существование ряда проблем – экономических, социальных, политических, нравственных – выявило обсуждение проектов Программы и Устава партии, которые были приняты на XXII съезде (1961). Большинство этих проблем концентрировалось в той области, которая определяет отношения между народом и государственной властью. Приглушение критики, снижение демократического настроения в общественной жизни не прошли незаметно для современников. Очевидная возможность утраты позиций, заявленных на XX съезде партии, с необходимостью ставила вопрос о поиске гарантий необратимости начатых реформ.

Большинство прогрессивных начинаний, задуманных в те годы, потерпели полное или частичное поражение. Почему так произошло?

Думается, что главная причина неудач реформ 50-60-х гг. XX века заключается в разности потенциала перемен, которым располагало общество, с одной стороны, и его лидеры – с другой. Расхождение в первоначальных устремлениях, которое наметилось между ними в ходе предварительной работы 1953-1955 гг., в дальнейшем углублялось и конкретизировалось, мешая достигнуть взаимоприемлемого компромисса. Общество всегда ждало от лидеров больше, чем те стремились ему дать. Едва приняв решение, центр предпринимал действия, ограничивающие свободу его применения. В результате общество (прежде всего интеллектуалы) постоянно попадало в ситуацию обманутых надежд. Политические реформы, не касающиеся всерьез проблем власти, успеха не имели.

Социальные реформы, направленные на подъем жизненного уровня, несмотря на известную отдачу, тоже не прибавили авторитета руководству страны, но уже по другой причине: приносила свои неизбежные плоды патерналистская политика.

Реорганизации системы управления экономикой (из них самая крупная – создание совнархозов) часто несли в себе рациональное зерно, но вырванные из общего контекста преобразовательной политики (которая отличается, например, тем, что требует точного программирования как самих реформ, так и их возможных последствий), они сформировали достаточно серьезную оппозицию реформам среди слоя управленцев. Хозяйственные реорганизации и непоследовательность Хрущева в вопросах политики и идеологии, который то шел навстречу либеральной интеллигенции, то вставал на сторону более консервативно настроенного аппарата, способствовали усилению влияния номенклатурной оппозиции.

В то же время пределы возможного, которые продемонстрировал Хрущев в последние годы своего пребывания у власти, лишили его кредита доверия той части общества, которая сначала безусловно поддерживала новый курс лидера. Частые смены курса, обилие начинаний, которые как паллиативы были малорезультативны, постепенно сформировали в обществе комплекс усталости от реформ, тягу к стабильности и порядку. Этот комплекс стал социально-психологической основой, обеспечившей заинтересованным политическим силам победу не только над Хрущевым, но и, в конечном счете, над политикой реформ вообще.

Общество и власть на переломе (1965-1985). Шестидесятые годы стали переломными в истории советского общества. До этого времени сложившаяся в СССР модель хозяйствования достаточно успешно решала встававшие перед страной задачи. К началу 60-х гг. XX века в Советском Союзе ценой огромных усилий и жертв был создан мощный индустриальный и научный потенциал. Только на территории Российской Федерации функционировало свыше 400 отраслей и подотраслей промышленности, включая авто- и кораблестроение, нефтехимию и электронику. Страна первой в мире вышла в космос, овладела новейшими военными технологиями. Не менее впечатляющим результатом ускоренной модернизации по «социалистическому проекту» стала демографическая

революция, изменившая жизнедеятельность и характер естественного воспроизводства населения. Советское общество стало не только индустриальным, но городским и образованным.

Поданным ЮНЕСКО, в 1960 г. СССР делил 2-3-е место в мире по интеллектуальному потенциалу страны. Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80% (1928) до 25% к концу 60-х гг. XX века, а в промышленности и строительстве возросла с 8 до 38%. Соответственно изменилась и структура валового национального дохода: доля промышленности и строительства увеличилась с 29 до 42%, а сельского хозяйства, наоборот, уменьшилась с 54 до 24%.

Тем не менее к середине XX в. модернизирующие процессы в СССР были далеки от завершения. Советский Союз еще не был подлинно индустриальной державой. И в экономике, и социальной сфере оставалось много архаичных, доиндустриальных черт.

Экономика была плохо сбалансированной, требовала для своего роста постоянного наращивания производственных ресурсов. Тяжелая и сырьевая отрасли промышленности, а также военно-промышленный комплекс, представлявший собой «государство в государстве», совершенно замкнутую технологическую группу, развивались успешно, чего нельзя было сказать о гражданских отраслях машиностроения, практически лишенных притока новейших технологий и обреченных на отставание.

К 1970 г. СССР превосходил США по уровню производства угля, кокса, тракторов, цемента. Железной руды, к примеру, добывалось в 6 раз больше, чем в США, и примерно во столько же раз меньше производилось предметов потребления.

Гипертрофия добычи ресурсов и первичной обработки тяжелого машиностроения определяли максимальную энергоемкость производства. На Западе для производства одного килограмма потребляемой человеком продукции расходовалось четыре килограмма исходного материала, а в СССР – сорок.

Хронически отставал аграрный сектор экономики. Страна, имея более половины мировых площадей черноземов (в 1985 г. площадь всех сельхозугодий СССР составляла 607,8% млн. га, из них 227,1 млн. га пашни), не могла накормить население, создать надежную базу для развития индустрии и сферы услуг.

При достаточно высоком удельном весе валового внутреннего продукта СССР, составившего 10% мирового, на долю СССР приходилось лишь 4% объема мировой торговли, тогда как на долю США – около 14%. Замкнутость стала своего рода официальной доктриной, вытекавшей из идеологии «вражеского окружения». Мировая экономика по-прежнему рассматривалась как источник неприятностей и бед, а независимость от нее представлялась громадным достижением.

Таким образом, советская экономика носила автаркический и «самоедский» характер, ее большая часть работала не на человека, а на себя. Не меньшую опасность для будущего развития советского общества представляли диспропорции, подспудно накапливавшиеся в социальной сфере.

В результате форсированной урбанизации численность городского населения быстро росла, но советское общество по-прежнему оставалось полу городским, несло на себе печать промежуточности, маргинальности. Советские люди в своем большинстве были горожане в первом поколении: наполовину или четверть крестьяне. Вырванные индустриализацией из своих родных мест, оказавшись в совершенно новой и чуждой для них городской среде, они довольно быстро обнаружили отсутствие навыков самостоятельного участия в общественной жизни, недостаточную гражданскую зрелость. Советская урбанизация не сопровождалась также формированием полноценной городской среды, ростом динамичного, инициативного и экономически независимого среднего класса, хранителя городской культуры и одновременно создателя новых духовных ценностей.

В период с начала 60-х до начала 80-х гг. XX века при росте численности населения почти на 25% (по переписи населения 1959 и 1979 гг.) наметилась устойчивая тенденция к снижению рождаемости и увеличению смертности населения. Прирост численности

населения СССР за эти годы происходил за счет народов Средней Азии: более 100% имели узбеки, туркмены, таджики, близко к ним стояли азербайджанцы, казахи; 40% имели грузины, армяне, молдаване. Наиболее низкий прирост наблюдался у русских (20%), украинцев (13%), белорусов (19,5%), литовцев, латышей, эстонцев.

В эти годы продолжался, постепенно затухая, структурный сдвиг в занятости и расселении населения. Миграция сельских жителей в города и на «ударные стройки» составляла около 2 млн. в год. Из деревень в города переселилась еще 1/5 населения страны. Если в 1939 г. в городах проживало 60,4 млн. человек, то к началу 1980 г. городское население страны насчитывало уже более 163 млн. Переход значительной части населения из разряда сельских жителей в городские существенно сказался на развитии общества в эти годы. Культурный мир новых горожан резко изменился за счет доступа к новым видам и формам труда, к более сложным урбанизированным отношениям, но сами города приобрели новые черты. Одним из свидетельств этого стало широкое распространение зародившейся в годы первых пятилеток специфической барачной субкультуры с соответствующим типом «промежуточного», маргинального человека.

С 1970 по 1985 г. численность рабочих в стране увеличилась на 16,8 млн. человек, что более или менее обеспечивало возможность экстенсивного развития экономики. Однако сверхиндустриализация исчерпала возможности человеческих ресурсов, создав тем самым естественный предел для развития экономики вширь. Из года в год прирост трудовых ресурсов в промышленности сокращался, а их качество неуклонно снижалось. В общей численности рабочих и служащих в начале 80-х гг. XX века женщины составляли 51%, тогда как даже в послевоенном 1950 г. этот показатель был равен 47%. В стране насчитывалось около 20 млн. инвалидов, более 21 млн. алкоголиков, 5,3 млн. человек страдали различными психическими заболеваниями.

В эти годы быстро росла численность интеллигенции. Высшее образование имело высокий престиж, и это способствовало тому, что основная часть молодежи после окончания средней школы устремлялась в вузы. В начале 80-х гг. XX века специалисты, получившие высшее и среднее специальное образование, составляли 32,7% городского населения. В результате возник определенный дисбаланс рабочих мест – технические и инженерные должности в городах были заполнены с избытком, зато образовались вакансии рабочих мест, не требующих особой квалификации и связанных в основном с физическим трудом. Ставка на всеобщую автоматизацию процесса производства в этот период себя не оправдала. Труд инженерно-технических работников начал постепенно обесцениваться. Уравниловка при оплате труда в течение многих лет способствовала тому, что даже высококвалифицированные рабочие начинали терять интерес к труду. В научно-исследовательских институтах работа большей части сотрудников сводилась к «отсиживанию» на рабочем месте, их потенциал оставался невостребованным, в результате – потеря квалификации и деградация специалистов.

Многие годы советское общество было одним из самых мобильных в мире. Доступное всем слоям бесплатное образование открывало перед каждым широкие возможности для продвижения. В то же время, в силу сохранявшегося все годы Советской власти внеэкономического принуждения, оно оставалось по существу сословным. Внеэкономический силовой характер перекачки людских ресурсов государством порождал и закреплял жесткую систему социальных рангов и статусов. Юридически они не были закреплены. Место правового закрепленного социального статуса заняло идеологическое и партийное. Человек продвигался вверх или спускался вниз по социальной лестнице в зависимости от идеологической лояльности и партийности. Особые функции социальных групп, их фактическое правовое неравенство вели к уничтожению «социальных лифтов», к все большей замкнутости этих групп, превращению их в касты.

Таким образом, отягощенная грузом многочисленных неразрешимых противоречий, советская система оказалась объективно не готова к глобальным переменам в характере и

тенденциях развития мировой экономики, человеческой цивилизации в целом, начавшимся на рубеже 50-60-х гг. XX века.

Компьютерная революция, означавшая начало нового этапа НТР, совпала во времени с мировым энергетическим кризисом, многократным подорожанием нефти и других энергоносителей.

Технологическое отставание не позволило СССР быстро наладить выпуск нового поколения ЭВМ – персональных компьютеров. В течение долгого времени работа советской промышленности оценивалась главным образом по количественным показателям. В таких условиях промышленность и наука мало нуждались друг в друге, с одной стороны, предприятия не предъявляли постоянного спроса на научные разработки. С другой стороны, ученые, не имея спроса на свою «продукцию», часто занимались никому не нужной тематикой. Вследствие этого, несмотря на рост расходов на научные разработки из государственного бюджета, советская наука неуклонно теряла позиции даже в таких областях, где ранее лидировала. Высадка в июле 1969 г. на поверхность Луны американских астронавтов во главе с Н.Армстронгом покончила с лидерством Советского Союза в освоении космического пространства. За весь послевоенный период советские ученые получили в 14 раз меньше Нобелевских премий, чем американские ученые, хотя в научной сфере СССР было занято почти в два раза больше сотрудников.

Советская система могла быть и была эффективной до тех пор, пока внутренняя потребность в свободе для советских граждан была минимальной и вполне замещалась потребностью в равенстве, пусть даже и в нищете. Пока свобода граждан и экономики не была фактором выживания системы.

Ситуация кардинально меняется к началу 70-х гг. XX века. Многократное подорожание энергоносителей заставило развитые государства мира быстро осуществить структурную перестройку промышленности, перейти на новую организацию производства, освоить ресурсосберегающие и так называемые «высокие» технологии.

Советская модель хозяйствования, лишенная гибкости и внутренних импульсов саморазвития, не смогла ответить тем же: обеспечить в новых условиях высокую эффективность и социальную направленность экономики. Идеологические догмы и непосредственно связанные с ними ограничения на свободу слова, передвижения (в секретной части постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» имелись статьи, запрещающие, в частности, политическим заключенным возвращаться на прежнее место жительства, и т.п. ограничения), индивидуальный выбор по своей сущности противоречили главному императиву НТР – наличию в обществе инициативной, самостоятельной, думающей личности.

Преобладание в советском обществе «спартанского» типа личности, ориентированной на указания «сверху», строгое выполнение санкционированных государством ролей, вопреки всем партийным установкам блокировало «разворачивание НТР», современных гражданских производств в стране. Закрытость советской системы, недемократичность, отсутствие в ней обратных связей между властью и народом неотвратимо вели ее в тупик. Уже в 60-е гг. XX века начинается медленное, но верное саморазложение системы.

Прежде всего, меняется социальный вектор развития. Сутью своеобразного, молчаливого соглашения между брежневским режимом и населением СССР становится ориентация общества на потребительские стандарты, «потребительское» общество. Ко времени провозглашения «эпохи развитого социализма» в Советском Союзе происходит становление нового типа личности с иной, чем прежде, иерархией ценностей. На смену «спартанскому» типу с потребностями «ссылнопоселенца», с четким делением людей на своих и чужих, человеку-винтику приходит человек, нуждающийся в целом мире вещей, ценностях семьи, самоуважении.

Внутренние потребности общества в большей свободе граждан в плюрализме мнений и деятельности находят в 70-е гг. XX века отражение в появлении новых параллельных структур и в экономике, и в социальной организации советского общества, и в идеологии. Наряду с «плановой» централизованной экономикой укрепляются «цеховики», разрастается «теневая экономика», дающая возможность распределения продукции и доходов в соответствии с предпочтениями потребителей; рядом с официальной атеистической коммунистической идеологией возникает разноликое диссидентство, наряду с рабочим классом, колхозным крестьянством – предпринимательские слои, номенклатура.

Вялая борьба брежневского режима с этими «чуждыми социалистической системе элементами» придает им уродливый, криминальный характер, но не останавливает разложение системы.

Важнейшим следствием хрущевской либерализации становится резкое возрастание в советском обществе критического потенциала, кристаллизация независимых от государства ростков, разрозненных элементов гражданского общества. Начиная с конца 50-х гг. XX века в Советском Союзе образуются и заявляют о себе различные идейные течения, неформальные общественные объединения, оформляется и крепнет общественное мнение. Именно в духовной сфере, наиболее устойчивой к тотальному государственному вмешательству, в эти годы происходит быстрый рост элементов и структур гражданского общества.

Другая важная особенность этого процесса, обусловленная стремлением Советского государства к полной управляемости, контролируемости, планируемости общественной жизни, – быстрая эволюция независимых общественных сил – от попыток улучшения советской системы, борьбы с отдельными ее недостатками к различным формам сопротивления диктату государства и, наконец, отрицанию в целом «социалистического» общественного строя.

В 70-х – начале 80-х гг. XX века вновь возрождающееся гражданское общество делало лишь первые, робкие шаги. Укорененность в народе советских реалий, мощь репрессивной государственной машины сдерживали процесс становления независимых от государства институтов. Как следствие этого, советское общество на рубеже 80-х гг. XX века в массе своей еще не переросло старые социокультурные рамки. Для кардинального, революционного перехода общества в новое состояние требовалась внешняя сила. Такой силой стал правящий класс.

В 30-50-е гг. XX века главным субъектом модернизации в СССР являлось государство в лице И.В.Сталина и очень узкого круга его соратников из числа членов Политбюро ЦК, а главным ее критерием и ориентиром – «военная мощь» и «динамика развития».

В 60-70-е гг. XX века ключевая роль в управлении советским обществом, определение характера и темпов его развития переходят к «новому классу», классу управляющих. После отстранения Н.С.Хрущева от власти происходит окончательное формирование этого класса как мощной политической силы. Чем больше появлялось у правящего слоя материальных возможностей, чем больше деградировала революционная идеология, тем острее становилась потребность в настоящей собственности не только на предметы потребления, но и на промышленные и сельскохозяйственные предприятия и землю.

После смерти Сталина «правлящий класс» освобождается от страха за собственную жизнь, обретает стабильность. С приходом Брежнева к власти номенклатура освобождается от многих моральных запретов. Основную часть аппарата 60-70-х гг. XX века, управляющего партией и страной, составляли люди, начинавшие карьеру после репрессий 30-х гг. XX века. В отличие от большевистских руководителей первого призыва они были лишены фанатической веры в социальную справедливость. Основу «нового класса» составлял высший слой партийных функционеров. В 60-70-е гг. XX века ряды «класса управляющих» расширяются за счет верхушки профсоюзов, ВПК, привилегированной научной и творческой интеллигенции.

Его общая численность достигает 500-700 тыс. человек, а вместе с членами семей – порядка 3 млн., т.е. 1,5% всего населения страны.

Новое поколение номенклатуры несло с собой и новые настроения. По уровню общей культуры, профессиональным знаниям оно было на голову выше старого поколения: все имели высшее образование, а многие и ученые степени, неоднократно бывали на Западе, пользовались плодами «потребительского общества». Для нового поколения правящего класса марксистская идеология была лишь привычной риторикой.

Соответственно меняются и представления номенклатуры о характере развития советского общества. Новые элементы, внесенные в социалистическую систему в годы хрущевской «оттепели» и хозяйственной реформы 1965 г., такие, как социалистическая законность, материальное стимулирование, хозрасчет, прибыль, расширили диапазон возможных путей развития советского общества в рамках официальной доктрины. Если в середине 60-х гг. XX века номенклатура предпочитала стабильное, даже стагнирующее развитие (к каким бы кризисным последствиям оно ни вело), то в 70-е гг. XX века сначала такой целью становится «социалистически оформленная модернизация», т.е. постепенная трансформация существующего общества, не требующая слома режима и других серьезных потрясений, а затем и «неидеологическая модернизация».

Не менее важная трансформация происходит в эти годы в распределении функций и, следовательно, реальной власти внутри правящего класса. Уже к концу хрущевского «великого десятилетия» возникли многочисленные корпоративные структуры со своими интересами и рычагами власти.

Объективная необходимость кардинальных, революционных, а не эволюционных перемен в советской экономике назрела уже к концу 50-х – началу 60-х гг. XX века. Оторванность планирования от жизни, отраслевого управления от регионального, монополия производителя в условиях всеобщего дефицита, незаинтересованность предприятий в научно-техническом прогрессе – все это требовало коренных преобразований уже тогда.

Экономическая реформа 1957 г. не улучшила положение в народном хозяйстве. Оно развивалось экстенсивно, ресурсоемкость экономики нарастала, а эффективность падала. Серьезных структурных изменений также не произошло. Главным предметом экспорта по-прежнему оставались нефть и другие виды сырья.

Уже в конце 50-х гг. XX века отчетливо обозначился спад темпов экономического развития. Замедлился рост национального дохода. В 1961-1965 гг. он вырос всего на 5,7%. Это было намного меньше, чем в предыдущую пятилетку, и недостаточно для решения основных социально-экономических задач. В эти же годы за счет роста производительности труда было получено лишь 62% прироста промышленной продукции, а 38% – за счет быстро возрастающей численности рабочих. Все это свидетельствовало об отсутствии заинтересованности предприятий в эффективном использовании основных и оборотных фондов, во внедрении достижений научно-технического прогресса.

К началу 60-х гг. XX века экономистам и руководителям производства стало ясно, что хозяйственный механизм устарел. Для преодоления «временных» трудностей требовались иные методы управления экономикой, иные принципы планирования. Необходимость перемен ощущало и советское руководство.

14 октября 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС Н.С.Хрущев был смещен со всех государственных и партийных постов и отправлен на пенсию. По существу, его смещение отвечало глубоким интересам и потребностям общества. Однако сделано это было тайно от народа, без гласного обсуждения и анализа уроков реформ. Главным результатом противоречивого десятилетия стало утверждение в стране более свободной атмосферы, в жизнь вошло поколение людей, не знавших тотального страха.

Официально провозглашенный после октября 1964 г. курс нового руководства на дальнейшее развитие социалистической демократии, освобождение партии от несвойственных ей хозяйственных функций, на научное руководство обществом был заранее обречен на неудачу. Назначенный первым секретарем ЦК КПСС Л.И.Брежнев представлял

собой полную противоположность Хрущеву своей смелостью, жадой новизны и перемен. И по характеру, и по интеллекту Брежнев не обладал качествами руководителя великой державы, необходимыми для реализации коренного обновления общества.

В стране ощущалась усталость от нововведений Хрущева. Выдвинутый Брежневым лозунг «стабильности» означал отказ от всяких попыток радикального обновления общества. В руководстве республик и областей, министерств практически прекратились перемещения. Глубинные причины кризисных явлений продолжали действовать.

Встав во главе партии и советского общества, Брежнев и сформированная им «команда» на первых порах вынуждены были продолжать курс XX и XXII съездов КПСС. Вновь был провозглашен принцип коллективного руководства. На смену поспешным реорганизациям народу были обещаны научно обоснованные долгосрочные комплексные программы.

Новый курс опирался на настроение тех слоев общества, чьи ожидания не оправдались в хрущевское десятилетие и которые теперь требовали наведения «твердой рукой» порядка.

Итоги общественных дискуссий подвел сентябрьский (1965) Пленум ЦК КПСС, поставивший задачу существенно изменить соотношение между административными и экономическими методами управления в пользу последних. Таким образом, изначально речь шла о полумерах. Реформа не меняла основ административно-командной системы. Адресное директивное планирование не устранялось, но ограничивалось всего несколькими показателями (вместо 30-9), среди которых были объем реализации продукции, фонд заработной платы, прибыль, рентабельность и др. Выполнение плана теперь выражалось не в валовых показателях, а в объеме реализованной продукции, т.е. учитывалось только то, что действительно было продано.

Предприятия получали небывалую свободу: они могли самостоятельно планировать темпы роста производительности труда, снижение себестоимости, устанавливать величину средней заработной платы.

Руководители предприятий получили возможность более свободно распоряжаться имеющейся у них прибылью – можно было использовать эти средства и на повышение заработной платы рабочим. Все это создавало заинтересованность предприятий в рентабельной работе и улучшении экономических показателей.

Процесс освоения нового хозяйственного механизма затянулся на годы. Еще до начала реформы в промышленности были ликвидированы совнархозы, руководство отраслями перешло к вновь созданным министерствам. Были организованы единый Госплан СССР, Госнаб и Госкомцен СССР. Вслед за этим весной 1965 г. была проведена реформа в сельском хозяйстве. Мартовский (1965) Пленум ЦК КПСС принял новый порядок планирования в сельскохозяйственном производстве. Вновь были повышены закупочные цены, сокращены налоги, снимались ограничения с личных подсобных хозяйств, введенные при Хрущеве. Планы закупки стали устанавливать сразу на пять лет. Имея твердый план закупки на длительный срок, предприятия могли самостоятельно составлять производственный план, определять наиболее рациональную специализацию. На первых порах эта мера способствовала росту сельскохозяйственного производства.

Осенью 1965 г. 43 предприятия легкой и пищевой промышленности были переведены в порядке эксперимента на новые условия хозяйствования. По мере накопления опыта их число расширялось, и лишь к 1972 г. удалось перевести около 90% промышленных предприятий на новые условия работы. Тем не менее даже медленное, частичное реформирование промышленности дало неплохие результаты. Восьмая пятилетка (1965-1970), совпавшая с началом реформ, оказалась лучшей за все послевоенные годы. По официальным (завышенным) данным, валовой общественный продукт увеличился на 43%, национальный доход – на 45%, продукция промышленности выросла на 50%. Происходившее три предыдущие пятилетки снижение темпов роста производства было на время приостановлено.

Инициатору реформ А.Н.Косыгину не удалось осуществить их до конца. В силу многих причин она потерпела крушение, «ушла в песок». В чем же причины неудачи? Их несколько. Прежде всего, даже небольшое расширение самостоятельности позволило предприятиям занижать плановые задания, выбирать более легкие для себя варианты решений. В итоге начался опережающий рост заработной платы по сравнению с ростом производительности труда. А.Н.Косыгину пришлось пойти на временное, как тогда казалось, заимствование средств для покрытия бюджетного дефицита из фондов предприятий.

Кроме того, реформам, даже крайне умеренным, эволюционным, противостояли реальные силы – старые производственные отношения, сложившийся аппарат управления, закостеневшее экономическое мышление. Попытка изменить принудительную мотивацию труда на материальную недвусмысленно показала, что это ведет к немедленному разрушению всей плановой системы, и от этой идеи тут же отступили.

Реформа была обречена и по другой причине. Преобразования в экономике страны не были поддержаны преобразованиями в политической и социальной сферах.

Многообразие общественных интересов, складывавшееся в советском обществе на рубеже 60-х гг., требовало кардинального обновления политической системы, признания теории разделения властей, парламентского характера демократии, ликвидации монополии одной партии на власть, обеспечения уважения и расширения гарантий прав человека. Социальный заказ правящего класса в 1965-1984 гг. состоял в том, чтобы любой ценой сохранить существующее положение, статус-кво. Поэтому внешне советская политическая система в эти годы изменилась мало. Но именно курс на стабильность требовал от властей укрепления «властной вертикали», которую в эти годы упорно разъедали ведомственный монополизм и падающая политическая активность, апатия советских людей.

В то же время поворот нового руководства к более жесткому, более консервативному курсу во многом был продиктован инстинктивным стремлением правящего класса восстановить разрушенную хрущевской «оттепелью» целостность советской системы.

В 60-70-е гг. XX века на партийных съездах, Пленумах ЦК КПСС принимались многочисленные резолюции о дальнейшей демократизации общественной жизни, об ограничении влияния бюрократического аппарата. Однако на практике это мало что давало.

С завершением процесса формирования номенклатурной системы фактически утрачивает свой элитный статус Коммунистическая партия. Формально она остается стержнем советской политической системы. Все крупные государственные и хозяйственные вопросы решались в партийных «инстанциях».

Номенклатура непрерывно наращивала бюрократический аппарат. За брежневское двадцатилетие число общесоюзных и союзно-республиканских министров выросло с 29 в 1965 г. до 160 к середине 80-х гг. XX века. Быстрый рост бюрократии обеспечивался многочисленными льготами и привилегиями. На содержание такого аппарата к середине 80-х гг. XX века ежегодно расходовалось более 40 млрд. рублей, или 10% государственного бюджета.

К началу 80-х гг. XX века только в управлении народным хозяйством накопилось до 200 тыс. различных приказов, инструкций и других подзаконных актов, которые регламентировали каждый шаг хозяйственников, сковывали их инициативу.

На рубеже 70 – 80-х гг. XX века в мире начинается новый этап научно-технической революции (НТР), получивший название «микроэлектронная революция». С этого момента уровень развития той или иной страны определяется уже не количеством выплавленной стали, добытого угля, а использованием микроэлектронной техники.

По этому показателю СССР отставал не только от западных стран, но и от новых индустриальных стран (Южной Кореи, Тайваня) на десятилетия. Экономика продолжала развиваться экстенсивно, в ее основе по-прежнему находились устаревшие, традиционные отрасли по производству продукции.

В 70-е гг. XX века экономика страны была предельно милитаризована, «работала» в основном на ВПК. Долгие годы существования ВПК как сверхведомства, интересам которого была подчинена вся советская экономика, создали у военных определенный потребительский менталитет. ВПК не располагал стратегией развития военной экономики.

В стране практически не было единой денежной системы, а потому не срабатывали бюджетные методы регулирования экономики. Госплан не мог реально поддерживать баланс инвестиций и материальных ресурсов. Планируемые цифры увеличения добычи нефти, угля, производства электроэнергии были по существу фикцией.

Министерства и ведомства, распоряжающиеся ресурсами, а с 1965 г. наделенные и государственной властью, стали крупной экономической силой, монопольно господствовавшей в своей отрасли. Практически они подчинили себе государственный аппарат.

В 70-е гг. XX века министерства предпочитали строить новые предприятия, а не переоснащать действующие. Следствие такой политики – в стране ручным и малоквалифицированным трудом было занято более половины работников материального производства – свыше 50 млн. В годы девятой пятилетки (1971-1975) экономический рост фактически прекратился. Видимость благополучия народного хозяйства, сохранявшаяся все 70-е гг., обеспечивалась за счет «нефтяного допинга».

Именно экспорт нефти, цены на которую на мировом рынке выросли в эти годы почти в 20 раз, позволял стране относительно безбедно существовать, «решая» продовольственную, космическую и другие «комплексные» программы. Главным образом за счет экспорта невозполнимых природных ресурсов в 60-70-е гг. XX века шло интенсивное освоение восточных районов страны, формировались и развивались крупные народнохозяйственные комплексы – Западно-Сибирский, Саянский, Канско-Ачинский. За эти годы появились соответствующие мировому уровню ВАЗ и КамАЗ, новые нефтехимические комплексы и предприятия оборонной промышленности.

В 70-е гг. XX века в принципе еще были возможны другие варианты дальнейшего развития страны. Однако «пражская весна» 1968 г. всерьез напугала советское руководство. Оно увидело, что экономические формы неотделимы от политических. Поэтому даже А.Н.Косыгин, реалистичнее других членов брежневского Политбюро представлявший истинное положение в экономике, не был склонен к принятию каких-либо радикальных мер. Тем более к этому не был расположен сменивший его на посту Председателя Совмина СССР в 1980 г. Н.А.Тихонов.

В начале 70-х гг. XX века был нанесен удар по всем концепциям поворота к рыночной экономике. Само слово «рынок» стало критерием идеологической неблагонадежности. Со второй половины 70-х гг. XX века начала меняться организация промышленного производства. Появились производственные и научно-производственные объединения (НПО). Практическим результатом подобных мер стал лишь гигантизм. Желаемого же слияния науки и производства не произошло. Зато в эти годы быстро и успешно шло слияние, переплетение официальной экономики с теневой – разного рода полузаконной и незаконной производственной и торговой деятельностью, в которую были втянуты целые предприятия. Доходы теневой экономики исчислялись многими миллиардами. К началу 80-х гг. XX века стала очевидна неэффективность попыток ограниченного реформирования советской системы. Страна вступила в период глубокого кризиса.

К середине 80-х гг. XX века возможность постепенного, безболезненного перехода к новой системе общественных отношений в России была безнадежно упущена. Стихийное перерождение системы изменило весь жизненный уклад советского общества: перераспределялись права руководителей и предприятий, усилилась ведомственность, социальное неравенство. Изменился характер производственных отношений внутри предприятий, начала падать трудовая дисциплина, массовыми стали апатия и безразличие, воровство, неуважение к честному труду, зависть к тем, кто больше зарабатывает. В то же время в стране сохранялось внеэкономическое принуждение к труду. Советский человек,

отчужденный от распределения произведенного продукта, превратился в исполнителя, работающего не по совести, а по принуждению. Выработанная в послереволюционные годы идейная мотивация труда слабела вместе с верой в близкое торжество коммунистических идеалов, параллельно этому сокращался поток нефтедолларов и рос внешний и внутренний долг государства.

В начале 80-х гг. XX века все без исключения слои советского общества страдали от несвободы, испытывали психологический дискомфорт. Интеллигенция хотела подлинной демократии и индивидуальной свободы.

Большинство рабочих и служащих необходимость перемен связывали с лучшей организацией и оплатой труда, более справедливым распределением общественного богатства. Часть крестьянства рассчитывала стать подлинными хозяевами своей земли и своего труда.

Однако, в конечном счете совсем другие силы определили направление и характер реформирования советской системы. Этими силами была советская номенклатура, тяготившаяся коммунистическими условностями и зависимостью личного благополучия от служебного положения.

Таким образом, к началу 80-х гг. XX века советская тоталитарная система фактически лишается поддержки в обществе и перестает быть легитимной. Ее крах становится вопросом времени.

Смерть в ноябре 1982 г. Л.И.Брежнева и приход к власти более здравомыслящего политика Ю.В.Андропова пробудили в обществе надежды на возможное изменение жизни к лучшему. Однако этим надеждам не суждено было сбыться.

Попытки Ю.В.Андропова придать эффективность бюрократической системе без структурных изменений, усиление требовательности и контроля, борьба с отдельными пороками не вывели страну из кризисного состояния.

Избрание в марте 1985 г. М.С.Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС вновь возродило надежду на возможности реальных перемен в жизни общества. Энергичные выступления нового Генерального секретаря показали его решимость приступить к обновлению страны.

В условиях монопольного господства в обществе одной партии – КПСС, наличия мощного репрессивного аппарата перемены не могли начаться «снизу», народ ждал изменений «сверху» и готов был их поддержать.

Горбачев был убежден, что после реформы, проведенной «сверху», страна обретет второе дыхание. Ядром экономических преобразований стала концепция ускорения социально-экономического развития страны на основе использования новейших достижений научно-технического прогресса. Провозглашая курс на ускорение, М.С.Горбачев надеялся с минимальными затратами за счет «скрытых резервов» в короткий срок добиться подъема экономики. Однако все попытки в рамках старой системы провести преобразование экономики были обречены на провал. Первые три года перестройки, в течение которых были испробованы практически все известные методы ускорения развития общества, показали, что тоталитарная система не поддается реформированию. Неудачи первого этапа перестройки заставили искать новые пути. На фоне ухудшающейся с каждым днем экономической ситуации впервые был поставлен вопрос о политической реформе общества. Была провозглашена политика гласности – открытое обсуждение острых проблем экономики и политики на страницах средств массовой информации.